

18+ Мартин Эсквайер

Мастерская дьявола

Мартин Эсквайер
Мастерская дьявола

«Издательские решения»

Эсквайер М.

Мастерская дьявола / М. Эсквайер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987556-3

В 1891 году аббат небольшого прихода Ренн-ле-Шато Соньер Беранже, реставрируя местную церковь, обнаруживает в одной из снесенных колонн полость, в которой оказываются скрученными свитки, представляющие неоценимое значение, в корне переворачивающее привычное представление о библейских событиях и ставящее под сокрушительный удар шаткое положение мирового христианского центра.

ISBN 978-5-44-987556-3

© Эсквайер М.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ДНЕВНИК АЛИСИИ	7
ВЫБОРЫ ШЕРИФА	12
ПОРОЧНЫЙ КРУГ	17
«ДЕ БЕЕРС»	20
ЧАСТЬ II	26
ЛОНДОН, 1895 год. Глава 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мастерская дьявола

Мартин Эсквайер

© Мартин Эсквайер, 2020

ISBN 978-5-4498-7556-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ ПЕРЛ. ПРОСТИ, ЧТО НЕ УБЕРЕГ!
СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ. ВЫРАЖАЮ ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
ВСЕМ ТЕМ, КТО НЕ ОСТАЛСЯ БЕЗУЧАСТЕН К МОЕМУ МАЛЕНЬКОМУ ТВОРЕНИЮ
И ОКАЗАЛ ПОДДЕРЖКУ В ТЕ ВРЕМЕНА, КОГДА ЭТО БЫЛО БОЛЬШЕ ВСЕГО НЕОБ-
ХОДИМО.

ЧАСТЬ I

«Он хорошо послужил нам, этот миф о Христе...» Папа Лев X, XVI век

ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ДНЕВНИК АЛИСИИ

Если вас интересует, возможно ли вести дневник, находясь в движущемся омнибусе, то мои кляксы станут наглядным ответом. В каком-нибудь Хайгейте по вымощенной брусчаткой дороге еще есть шанс изобразить даже некоторое подобие каллиграфии, здесь же, где дороги под стать местным обитателям – как приедем, так и коренным, – в высшей степени разболтанные, потом, понадобилось бы прибегнуть к опытному криптографу. Едва узнаю свой почерк. Отложить это занятие никак не могу по одной очень простой причине.

Прощаясь, Гарри с супругой, люди сентиментальные, никак не хотели отпускать меня, утверждая, что Кимберли – следующий указанный в моем путеводителе пункт – слишком отвратительный город, чтобы туда спешить. С их слов, это город порока, где на одного добропорядочного приходится полдюжины подлецов, пустившихся во все тяжкие.

– Порядочной женщине, к тому же без компаньона, там не на что смотреть! – говорила миссис Вильон, помогая собирать чемодан. – Ума не приложу, чего вас туда тянет?

Ответила, что уж точно не достопримечательности, отметив, что, в противном случае, отправилась бы в Южную Европу – в Рим или Афины, в эти исторические Мекки, среди которых до сих пор витает дух преторианцев, а если прислушаться, можно услышать клич спартанцев или брошенное Цезарем: «Et tu, Brute?»

Нет, совсем не эта цель привела меня в самый отдаленный уголок цивилизации. Предметом моего интереса стал куда более дефицитный товар – правда.

Миссис Вильон качнула плечами и, усмехнувшись, отметила:

– Для этого вовсе не требовалось переплывать целый океан, а потом, в добавок, пересекать огромный пласт континента; хватило бы перебежать улицу, найти первый попавшийся киоск и купить газету попроще.

Простила ей почти детскую наивность. Рука отказывается написать о приютивших меня людях хоть что-нибудь дурное. Хорошие и по-настоящему теплые, они, тем не менее, подверглись тому же пороку, какой встречается здесь почти на каждом шагу, – невежеству. Поинтересовалась, давно ли ей доводилось держать в руках лондонские газеты (их периодически доставляют сюда с островов, чтобы держать в курсе о делах доминиона)?

Миссис Вильон честно призналась, что не припомнит наверно.

Сказала, что стоило бы интереса ради хоть изредка в них заглядывать: читая о том, с чем буры и другие африканеры сталкиваются каждый день, описанное глазами столичной прессы, она принуждена была бы перечитывать некоторые статьи дважды, задаваясь вопросом: «Точно ли речь идет об Африке? Или тут упомянута какая-то другая „Южноафриканская компания“?». Пресса – точно такой же отличный инструмент власти, как и всякий другой. Подобно тому, как миссионеры, обращая язычников в «истинную веру», лишь готовят из них исполнительные винтики для капиталистической машины, руками которой упрочит свое «величие», – точно так пресса, «освещая» события, формирует общественное мнение, прикрываясь вычурными эпитетами и сомнительными мотивами.

Миссис Вильямс призналась, что такие вещи слишком сложны для ее понимания.

Не успела я собраться, она снова побеспокоила меня, сообщив, что мистер Хайкс, близкий друг семьи, отправляется на почтовом омнибусе до самого Кимберли. И им доставило бы огромное удовольствие, если бы я согласилась принять приглашение мистера Хайкса ехать вместе с ним.

Рекомендация таких людей – уже более чем достаточный гарант, чтобы верить себя обществу незнакомого человека, однако терпеть пустой треп мне вовсе не улыбалось. Заварили, он один из занимательнейших людей (это определение на деле всегда сложнее, чем кажется).

– И потом, – добавил Гарри, – Хайкс – ходячая энциклопедия войны с нтбелами. Учитывая, ваш интерес к африканским событиям, беседа с ним не может не доставить вам удовольствие.

Это последнее заявление решило дело.

И несколько часов спустя к усадьбе подкатил нагруженный коробками и почтой мой транспорт. Изнутри выглянуло приветливое лицо немолодого бравого вояки. Тот вылез и обходительно помог мне надежно приторочить чемодан к решетке на заднем крыле.

Заметила (не жалуясь), омнибус, мол, весьма разболтан.

– Как и дороги, – с задором ответил бывший солдат, – одно с другим приложится – не поедем, а поплывем, вот увидите.

Описывая состояние колес, пришлось бы поломать голову, да и тогда не придумали бы ничего лучше, как только написать «по крайней мере, не квадратные». Сообразуясь с этим, выразила опасение, как бы нам не попасть в штиль.

Хайкс добродушно рассмеялся, по достоинству оценив мою остроту.

Оглядываясь назад через окошко из едущего омнибуса, заметила, как Гарри успокаивал миссис Вильямс, вытирающую лицо платком. Думаю, в какой-то мере я напомнила ей дочь. Неприятно это становится причиной чьих-то слез.

Что ж, описание моего спутника, приведенное выше, оказалось близким к оригиналу. Из него волнами исходила энергия, из чего напрашивался самоочевидный вывод: в молодые годы он являл собой лучший образец сорвиголовы. Часто лицо его озарялось располагающей улыбкой, а байки свои он подслащивал шутками (по большей части приличными – но тут я ни в чем его не могла обвинять). Еще занимаясь багажом, заметила, как он прихрамывал при каждом шаге, а уже в дороге, подсакивая на крутых кочках, хватался за бедро и кривил лицо от приступа неприятной боли.

– Три ранения – и все в одно место, – объяснял он. – В следующий раз, вставая под ружье, пойду в атаку с голым торсом, но основательно задрапировав проклятую ногу.

Уж не опустила ли его мать младенцем в источник дарующий бессмертия, случайно забыв омыть ногу, за которую держала?

Такое, к моему истому удивлению, имело место быть. Только в отличие от той, греческой Фетиды, его родительница собиралась утопить младенца, сочтя, что и без того семь уже имеющих ртов – непосильная ноша. Малыш ни в какую не желал сдаваться, и суеверная женщина нашла в сем предзнаменование. Так и не поняла, была ли это шутка.

– Из всего нашего многочисленного клана, – подметил Хайкс, сидя прямо, как оловянный солдатик, – землю теперь топчут только трое, хотя, казалось бы, больше всех шансов на преждевременное отбытие у меня, двадцать с небольшим лет принимающего участие в разных заварушках. Имеется у меня кузен, пастор, у него миссия на Чаттемских островах. Пытается обратиться тамошних аборигенов. Встретились тут с ним, а он все беспокоится, говорит, мол, веду беспутную жизнь и зазря рискуя шкурой. Заметил ему: «Со своими аборигенами у тебя больше шансов первым встретиться с работодателем!» – «Ты слишком предубежден против них, – ответил мой слабоумный брат. – Видел бы, с какой любовью они смотрят на меня...» Перебил, заверив, что на зажаренного тельца и я гляжу не без удовольствия.

Тому подобные байки, явно приперченные измышлениями, но без сомнения остроумные, он мог рассказывать до самого Кимберли, против чего не имела ни единого возражения: ехать, а вернее, трястись предстояло 12 часов. Подобные беседы, надо заметить, не лишены занимательности, – смягчающее средство, помогающее забыть все тяготы пути и скрасить скуку от долгого сидения на месте.

Однако постаралась перевести разговор в более прагматичное русло, невзначай упомянув о ндбелах. Он подхватил и развил тему, оставив на мою долю роль слушательницы. Севши поудобнее начала внимать, стараясь не упустить ни единого слова, записать все не получится,

иначе дневник мой сильно прибавил бы в весе, однако я постараюсь запечатлеть самое существенное, минуя уже известные нам события.

– Солдаты и «пионеры» в фортах были приведены в боевую готовность, ожидая приказа, – почти с того места, на котором остановился Гарри, продолжал Хайкс.– Да, войну удалось отодвинуть, но каждый новый день неотвратимо приближал ее наступление: слишком уж много хлопот причиняли эти дикари. Поводом для разжигания использовали конфликт между ндебелами и соседним племенем машонов, угнавшим скот Лобенгулы. Последний само собой выслал вдогонку вора отряд, приказывая вернуть украденное. За похитителей заступились английские офицеры, обвинив ндебелов в провокационных действиях. Вернувшиеся войны рассказали обо всем вождю, и тот, дабы прояснить ситуацию, отрядил небольшую группу, повелев явиться в британский форт с предписанием объяснить, что с их стороны не совершено ничего предосудительного.

Посланцев встретили холодно, и Джемсон (он руководил всей операцией) в ультимативной форме потребовал от них немедленно убраться за «пограничную линию». Что это еще за линия дикари само собой плохо представляли. Выждав полтора часа, Джемсон отправил за ними 38 всадников во главе капитана Ленди. Отвратительный, жестокий человек без какого-либо чувства морали – такие индивиды пользуются спросом, когда возникает потребность в сомнительных кампаниях.

Нагнав аборигенов, капитан первым открыл огонь. Большинство ндебелов бросились бежать, но офицеры, исполняя приказ Ленди, стали стрелять им в спины. В конечном итоге было перебито порядка 50 человек. В отправленной же верховному комиссару телеграмме сообщалось, будто первыми напали аборигены.

Воскликнула, помянув имя Господа.

– О, Бог, поверьте, тут тоже сыграл немалую роль. Во всяком случае, южноафриканские миссионеры – Его рекламные агенты – не скупилась называть ндебелов жестокими варварами и обвиняли их в каннибализме.

Очень уж эти события напоминают захват Мексики Кортесом: тогда конкистадоры нашли тот же самый предлог с тем отличием, что ацтеки и правда приносили кровавые человеческие жертвы своему богу. Чего, впрочем, еще не является основательным поводом чинить геноцид.

– Какой смысл менять систему, если она безупречно отлажена? – риторически спросил Хайкс.– Дальше события завернулись с устрашающей скоростью. Но позвольте прежде спросить: известно ли вам имя Хайрема Максима.

Отрицательно качнула головой.

– Это американский инженер, который еще в 1883 изобрел пулемет, коему присвоили имя создателя.

Почему же о нем никто не слышал, спросила.

– Просто до этого не происходило никаких больших войн, где бы новое оружие прошло боевую проверку, если не брать в расчет мелкие столкновения в Уганде 91-ого года. Не то чтобы эта война являлась таким уж крупным событием, совсем нет, но наблюдали за ней во всем мире, ведь Африка стала зоной колониального интереса после обнаружения богатых залежей золота и алмазов.

24 октября состоялось первое крупное столкновение, в котором участвовало, по английским оценкам, около пяти тысяч ндебелов. И тут произошло самое забавное. Пока аборигены, грохоча в тамтамы, выплясывали вокруг костров, призывая богов даровать им победу, британские солдаты затащили на пригорок повыше 8 пулеметов. И вот: разгоряченные дикари, похватав копыта и луки в одних набедренных повязках – а порой и в отсутствии таковых! – бросились на врага. Здесь-то и затрещали пулеметные очереди, прореживающие аборигенов, как сорную траву. Дикари даже ничего не успели понять и только могли бессильно наблюдать, как вокруг них рядами начали падать их товарищи.

Исход предугадать несложно. Племя матабетов потеряло свыше пяти сотен человек, со стороны англичан убитыми оказалось лишь несколько человек – видимо, свои ми же, чего неудивительно, учитывая, что большинство из так называемых пионеров научить стрелять в одну сторону – почти невыполнимая задача.

Вспомнила о приговоренном к расстрелу британском офицере, помня о «блестящей» способности его соратников попадать по цели, он взмолился о милосердии, прося прибегнуть к старой доброй виселице или, на худой конец, притащить топор. Закон остался непреклонен, тогда он понизил требования, предлагая скинуть его в море с привязанным к ногам ядром, затоптать слонами, четвертовать, даже распять, – все, что угодно, лишь бы не становиться мишенью британского пехотинца.

– Один слащавый репортер, из тех, что не перестают гоняться за сенсациями, – на это заметил Хайкс, – решил взять у меня интервью, предметом его интереса как раз были британские части Черного континента. «Каким словом, по-вашему, лучше всего описывается их подготовка?» – задал он вопрос, заноса карандаш над блокнотом, готовясь записывать хвalebный панегирик. Ответил: «Поразительная, чудесная, – отметил я, не разочаровав ожиданий репортера, но добавил:– Какими еще словами можно описать способность стрелка, стреляющего вперед, каким-то невообразимым образом подстреливающего товарища позади? Что это, если не чудо!» Репортер не счел нужным это записывать, почему-то обиделся и отошел.

Кажется, ответ имелся у меня. В газетах тех лет – отчетливо это помню, поскольку в Лондоне стоял ажиотаж вокруг внезапно разгоревшегося пламени войны – битву, выигранную пулеметным огнем (и эту, и следующие), журналисты называли великой победой, а негодяя Джемсона приписали к полководцам. Родс же, по окончании войны, блеснул памятной речью на одном из банкетов в своей резиденции в Кейптауне: «История не знает войны, проведенной со столь малыми затратами денег и человеческих жизней, и в то же время столь гуманно».

(Дальше следовала вложенная на отдельном листе приписка, сделанная несколькими годами позже, насколько позволяла судить отчетливость чернил у этого вставочного пассажи.)

Пятью годами позднее американский президент Мак-Кинли, принимая решение о захвате Филиппин, признавался, цитирую: «Я каждый вечер, до самой полуночи, расхаживаю по Белому дому и не стыжусь признаться вам, джентльмены, что я не раз опускался на колени и молил всемогущего бога о просветлении и руководстве. В одну ночь мне пришла в голову мысль – я сам не знаю как: ...для нас не остается ничего другого, как взять Филиппинские острова, воспитать, поднять и цивилизовать филиппинцев, привив им христианские идеалы, ибо они наши собратья по человечеству, за которых также умер Христос.»

Потрясающе! История знает сотни примеров, когда религиозный протекторат о некоей божьей миссии становился исчерпывающим оправданием свершаемых преступлений. И чем большая кровь проливалась, тем величественнее объявляли миссию Господню. Очевидно, отращивание пивного пуза – также неотъемлемая часть некоего святого причастия.

С матабетам окончательно покончили за считанные месяцы. Лобенгула во главе небольшого отряда бежал, но вскоре умер от одной из тех болезней, которым так легко поддаются черные расы, стоит к ним приблизиться белым людям.

Усомнилась в официальной версии смерти вождя.

– Во время войны естественная смерть – большая редкость, – патетически заметил Хайкс, не отвечая положительно, но и не отрицая высказанное мнение.

Потом разговор перетек к более тривиальным предметам, обличенные в искрометный юмор моего попутчика, они приобрели ту живость и легкость, которые превращает общение в сплошное удовольствие, незаметно растворяя час за часом. Наконец попутчик мой окончательно утомился, решив оставшиеся два часа вздремнуть.

Поскольку сон никак не шел, достала дневник, желая законспектировать изустную повесть колониальных амбиций в Южной Африке британской короны.

Снаружи раздался голос груга, оповещающего о прибытии в Кимберли. Выглянула через окошко. Не скрою, ожидания застать небольшое поселение с видимыми от края до края границами не оправдались: перед нами предстал современный, быстро расцветающий город.

Нужно будить Хайкса.

ВЫБОРЫ ШЕРИФА

Было ли ошибочным первое впечатление? Нисколько. Больше того, казалось бы, много ли шансов здесь, на задворках цивилизации, за каких-то два с половиной десятилетия образоваться городу с современной инфраструктурой и разветвленной торговой сетью. Не говоря уж об электричестве. Лондон – и тот освещен преимущественно в центре, тогда как большинство районов продолжают жить по укладу начала века, используя масляные фонари; здесь же проложена обширная сеть проводов, и каждая улица оснащена электрическими светильниками.

Впрочем, удивляться нечему. Кимберли имеет самые крупные из всех разведанных месторождений залежи алмазов в мире, что позволило получить городу звание столицы этих драгоценных камней. Невероятно, однако всего в трехстах милях западнее раскинулся мировой центр золотодобычи – Йоханнесбург. В деньгах и притоке рабочих рук, ясное дело, проблем здесь никогда не наблюдалось. Это последнее обстоятельство привело к нескольким необычным казусам.

Работы по добыче алмазов еще не начались, а сюда уже нахлынул поток разномастных персонажей со всех уголков империи, да и не только. В короткое время населенный знойными ветрами пустырь был осажден тысячами палаток и хижин из жести, грубых досок – всего, что попадало под руку: разбирались повозки, ящики... В этих неприветливых широтах жизненно необходимо иметь укрытие, чтобы днем прятаться от раскаленного солнца, а ночью от докучливых орд насекомых, переносящих разные болезни. Теплое одеяло или мягкая подушка тут были достаточным основанием, чтобы не выпускать из рук револьвера.

Один хитрец, то есть, надо полагать, он себя таким возомнил, отлично зная царившие в Кимберли законы, надумал провести судьбу злодейку. И хотя он приехал без всего, оставив на себе только какие-то лохмотья и голый торс, не имея жилища или даже подобие оно, избавившись от коня и запродав даже никому ненужную дорожную сумку. Словом, он мало стал отличаться от тех, кого принято называть анахоретами. Прделав каждый из этих шагов, он смело расхаживал по городу, часто проходя там, где не отваживались гулять даже самые отчаянные представители здешнего сообщества. Однако совсем скоро на него напал не какой-нибудь один отчаянный искатель удачи, потерпевший крах надежд в этой пустыни соблазна, но целая свора головорезов. Налетев одновременно, они все, тем не менее, не состояли в общем сговоре. Не намереваясь уступать намеченную жертву, они подняли беспорядочную пальбу, очевидцы утверждают, что пули летали с такой периодичностью и плотностью, что казалось, они присутствовали на Битве при Ватерлоо. Само собой меня жутко донимала причина «баталии». Оказалась битва не на жизнь, а на смерть велась за единственный стоящий хоть чего-нибудь предмет – за широкополую шляпу, от которой наш хитрец единственно и отказался избавиться. В сражении, какого еще не видел остальной подлунный мир, погибло больше двух десятков человек.

Гротеск. Маловероятно, неубедительно и вообще эта история похожа на довольно грубо сочиненный анекдот. Однако прибытие мое в город совпало с избранием шерифа и штата его помощников.

Нынче поселением это никак не можно назвать, центр изобилует деловыми конторами, в сопредельных зданиях разместились торговые лавки, кузни, портные, бакалеи; куда ни глянь, всюду попадаются вывески, одна краше другой. Примечательно то, что большинство из них имеют имена основателей, вроде «Джордж и Кир» или «Фрэнк, Сэм и ко», при этом одно из имен перечеркнуто или поверхностно закрашено. Поинтересовалась у одного местного мальчишки, отчего так происходит.

Последний окинул меня внимательным взглядом, не переставая жевать соломинку.

– Вы здесь давно, мэм, – без подобострастности спросил мальчик, такой же одичалый, как и все вокруг.

Сообщила, мол, прибыла с давешним вечерним омнибусом.

Он выразительно присвистнул:

– Поразительное же вас представленьце ожидает. – Не поняла, тогда он разъяснил: – Тут каждый день кого-нибудь упаковывают. Жил себе такой раз такой Смит, веселился, пирушки закатывал, а сегодня глядишь, свернул не на том углу и получил пулю в лоб.

Неужели положение настолько безнадежно?

– Теперь стало совсем мирно, не то, что раньше. Нынче упаковывают не больше десятка за день.

Это его выражение, как поняла, означает «хоронят».

В правой ладони он зажал пригоршню гвоздей. На что они ему?

– Еще не поняли? – недоуменно поглядел мой любопытный собеседник на меня. – Гражданина закроют крышкой, а чем-то же ведь надобно закрепить, а то не дело это закапывать, предварительно не закупорив. – Он слегка наклонился вперед и зашептал, не переставая озираться по сторонам одними глазами: – Я так думаю: зачем жмуриков закрывают хорошенечко – бояться кабы они не повыползали ночью. Мне-то оно, разумеется, все равно: батка мой говорил – в этом мире стоит бояться только двух существ: женщин и священников. И та, и другой болтают без роздыху, а что щебечут – черта с два поймешь, будь ты хоть баклажаном... то есть бакалавром, разумеется. – Он вытер сопливый нос с грацией настоящего графа и продолжил: – А чайничек-то у меня варит, кипит, булькает там что-то. Вот мне и пришла идея продавать гвозди, я покупаю их у нескольких кузнецов, а потом, когда упаковку закрывают, оказываюсь тут как тут.

Любопытный оригинал, этот за словом за пазуху не лезет. Из его рассказа вынесла: компаньоны-де, недолго остаются соучредителями разных лавок, поскольку в самый короткий срок отбывают на встречу с тем, о ком неумолчно рассказывают попугаи с церковного амвона. Вот имена почивших и перечеркиваются, стираются или еще каким-то образом удаляются.

Кажется, мальчишка смекнул, что может недурно подзаработать, вызвавшись побыть гидом.

– Только я за так не горбачусь, – предупредил юный проводник, – у меня от разных алтруизмов сразу сыпь на коже проступает...

Пообещала купить ему ящик гвоздей.

Он, не раздумывая ни минуты, плюнул себе на ладонь и протянул руку для рукопожатия. Огляделась и, убедившись, что никто не смотрит, уступила местному обычаю и последовала поданному малоприятному примеру. Этот сорванец – точная копия Блэра, моего любимого и непутевого братца.

Следующий час он водил меня по местным «достопримечательностям». Клянусь всеми святыми, лучшего гида нельзя сыскать на всем белом свете. Так называемые квалифицированные представители упомянутой профессии, получившие образование и запасшиеся основательным багажом самых разных знаний, деталей и событий связанных с историческими местами, водят вас от одной развалины к другой, с важным видом выкладывают все это нагромождение непонятной информации с нарочито важным видом, но так чопорно, до того сухо и уныло, что, право, скоро начинаешь раскаиваться, что нанял этого человека, уволить же не можешь, не желая проявить неуважение; и с тревогой осознаешь, что то – лишь начало мучений, впереди еще пару дней, в течение которых он вконец испортит ваш отдых, истерзает душу и поселит в душе отвращение к некогда великой истории.

– Еще бы, – проговорил мальчишка, стоило поделиться своим мнением, – водить тут люд – это вам не хухры-мухры: тут надобно знать, где пригнуться, где переждать, а где, напро-

тив, бежать. И потом, – не без гордости заявил он, – я вхож в здешние круги, а с черенками (взрослыми?) накоротке.

Так и протекали наши диалоги, пока Кимберли жил своей жизнью. Местная знать передвигалась преимущественно в каретах, эскортируемых одним или парой всадников при оружии. Безоружного здесь вообще нельзя было найти, даже пастор таскал при себе такой громадный револьвер, что одно это благотворно сказывалось на увеличении числа внезапно уверовавших в святое писание неофитов. Местный базар (как называют рынки на Востоке) кипел жизнью, а тамошние торговцы, даже если у вас не имелось ни единого желания покупать ту или иную безделушку, прибегая к тому же приему, какого не чурается местная церковь, умели убеждать в обратном.

Личный мой хоббит отдавал предпочтение не музеям и выставкам, как ни странно, такие имели место быть, хотя и не представляли вящего интереса. Нет, он, будучи мало сведущим в истории, одновременно прекрасно разбирался в настоящем. Так, например, он знал о намеченном на сегодня «зрелище», которое ни в какую не желал упускать; и до того оно будоражило его незрелый но живой ум, что он готов был бросить меня, рискуя остаться без обещанного вознаграждения. Решила, ему оно виднее, и полностью доверилась юному проводнику.

Прежде, однако, случилось следующее.

Из-за угла одной подворотни за складским амбаром вывернул второй юнец, покрупнее и плотнее бывшего при мне, но с глуповатым выражением лица и беспокойно бегающими глазами. Едва заметив нас, он дал стрекача.

Мой спутник угрожающе помахал бегущему вослед, крича:

– И не думай, будто не знаю, что ты пристрастился промышлять гвоздями? Только попадись мне, я на тебе живого местечка не оставлю.

Поинтересовалась, кто это такой.

– Конкурент, – не оборачиваясь ко мне, ответил мальчик, – задумал вытурить меня с рынка.

Объяснила, что рынок, как он выразился, подразумевает не одну только конкуренцию, но и кооперацию. Не выгодно ли им объединить усилия, учитывая, что на каждые похороны ему все равно не поспеть?

– Вы что же, думаете, не знаю, как дела «дельваются»? Рано или поздно это неизбежно приведет к конфликту интересов – и тогда наш товар пустят на одного из нас. А я сторонник единоличного концерна.

Откуда ему известны такие словечки? Поразительный ребенок! – Вот, пришли! – в предвкушении потер он руки.

Огляделась. Перед нами, было здание городской мэрии. Это безутешного вида ратуша – какие законы, такой и парламент. Стекла в нескольких местах выбиты, как пояснил мальчик, их устали менять и просто заколотили досками; стены все испещрены дырками от пуль и по описанию ближе всего сопоставимы с дуршлагом. Здесь, по меньшей мере, произошла битва.

– Тут у нас принимают законы, – сказал мальчишка.

Полюбопытствовала об успехах, сорванец кивнул на многочисленные отверстия.

– Как видите, здешние относятся к ним слегка неодобрительно.

Если это слегка, страшно подумать, как выражается их гнев.

К ратуше стекался живой поток людей, подумала, собирается какое-то празднество, однако подобающе никто не выглядел, кажется, каждый пришел в том, в чем работал или ходил в повседневной жизни.

– Сегодня будут назначать шерифа и его помощников, – разгадал мою озадаченность смышленьш.

И что в назначении такого необычного, что собрался чуть не весь город?

Не успел прозвучать ответ, как толпа пришла в волнение. Из здания муниципалитета вышел мэр, за ним человек, несущий вазу, которую установили на специально приготовленный для этого постамент. Как выяснилось дальше, в нее заранее были вложены листочки с именами пятидесяти мужчин, которые по общественному мнению подходили на ответственную должность. Все они стояли по правую руку от главы города и имели взволнованный, напуганный вид. Мне тогда казалось, что это связано с их желанием занять назначаемый пост.

Но вот мэр открыл горшочек, засунул внутрь руку, перемешал содержимое и наконец вытащил определенный листок. Все население Кимберли замерло в трепетном ожидании, пока губернатор изучал глазами нанесенное на клочке бумаги имя.

– Джон Девис, – огласил тот имя с такой интонацией, будто выносил приговор.

Названный человек вышел вперед, побледнел, хотел чего-то возразить, но не нашелся в словах. Тут ему на голову напялили шляпу и выдали значок.

Самое любопытное, вслед за этим портной с метром подошел к получившему важный пост мужчине и бесцеремонно попросил того расставить руки, после чего снял мерку.

– Хорошо, – закончив, сказал фасонщик. – И еще одно: предпочитаете серый или черный костюм?

Мой гид указал на человека неподалеку от нас. То был служащий похоронного агентства, этот, в свой черед, поинтересовался о полном имени шерифа, а также о дате рождения.

– Джонатан Девис, 1952 года рождения, – рассеянно ответил шериф.

Интервьюер быстро записал полученные сведения в ежедневник, проставив не только указанную дату, но и нынешний год, засомневавшись только в выборе определенной даты; месяц проставил текущий.

До меня дошло, что означало все это необычное действо. Оказывается, законы в Кимберли исполнялись... никак. И отношение к любого рода ограничениям, кои по сути и есть законы, было, мягко говоря, неприветливое. Преступность превосходила даже самые смелые воображаемые пределы. Таким образом, на должность шерифа и помощников могли надеяться только полоумные.

– Это наш местный клуб самоубийц, – не без гордости заверил мой проводник.

Да уж, вряд ли им суждено потягаться в долголетии с Мафусаилом.

Предложила на этом закончить совместное изучение города. Направились в кузню – нужно держать раз данное обещание. И мальчик уже подсчитывал в уме прибыль, которая казалась ему слаще миллионов капиталов Ротшильдов.

Перед расставанием, он вдруг замешкался, собираясь сказать что-то, но никак не находя нужных слов. Заверила, что со мной он может откровенничать, как с лучшим другом: секретов его я уж точно не предаю.

– Вы... такая... как бы сказать?...необычная, такая, каких я видел только на картинах, – спрятав руки в карманах и опустив взгляд к земле, по которой неуверенно водил ногой, проговорил он, то и дело запинаясь. – Мне казалось, не бывает таких...то есть на самом деле, я разумею. В вас столько прекрасного, что аж вся внутренка замирает. – Он поднял глаза. – Это ничего, что я такое говорю?

Заверила (не лукавя), что никогда еще не слышала комплимента более искреннего.

Воодушевленный этим, мальчик продолжал:

– В общем, я чего сказать-то собирался. Понравились вы мне... прям очень. И мне интересно, согласитесь ли вы стать дамой моего сердца?

Как он поглядел на меня, сколько мольбы было в его пронзительных красивых глазках. Этот сорванец в обозримом будущем станет настоящей грозой всех тутошних девушек, и не одно сердце будет разбито его страстью.

Ответила что-то вроде: боюсь, ничего не выйдет, поскольку я несомненно и безнадежно затеряюсь среди густой толпы его фавориток. Кажется, мальчика это расстроило. Полюбопытствовала, зачем ему вообще понадобилась «дама сердца», как он выразился.

– В тех книжках, которые я читаю, у рыцаря обязательно есть возлюбленная. Без нее, бабы, стало быть, теряется всякий смысл его странствий и подвигов, – разъяснил он.

Посоветовала ему почаще совершать хорошие поступки, поскольку только тогда он сможет с точностью определить, кто достоин его симпатий, а для кого не стоит даже утруждаться подымать платок.

Спросила, часто ли он читает.

– Как книгу где стяну – так и читаю, – ответил он.

Зашли в кузню, выполнила свою часть уговора, после чего завернули в книжную лавку, сказала, что он может выбрать пару книжек; ему захотелось побольше – не стала препятствовать и даже докинула сверху несколько своих любимых пьес.

Расстались лучшими друзьями, перед уходом он сказал, что станет приглядывать, чтобы со мной не случилось чего дурного, раскланялся, точь-в-точь как принц, затем сплюнул на мостовую, поднял свою поклажу и, посвистывая, поплелся по своим делам.

Но нужно вернуться к Ротшильдам... Впрочем, ночь давно сгустилась, а следующая история слишком обширна – благоразумнее отложить изложение на завтра.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Некоторые мужчины страдают странным недугом, они никак не могут не проводить взглядом идущую мимо девушку. Мало того, так эти индивиды еще и присвистнут, кинут красноречивый взгляд или бросят до того пошлую и плоскую остроу, которая, должно быть, не работала уже при жизни Адама.

Думая об этом, заглянула утолить жажду в один из баров под вывеской «Лихорадка». Не самый удачный выбор наименования. Впрочем, в дверях мне попался шатающийся «господин» далеко за тридцать, его шатало так, что он с минуту никак не мог попасть в дверь, пока наконец его компаньон, тоже болтающийся, словно корабль на неистовствующем море, не взял на себя труд помочь товарищу; их совместное лавирование придало шагу выходящих некоторую необходимую стройность. Событыльники вышли, сорвав дверь лишь с одной петли. Потом возникла дилемма: помогавший, выведя приятеля на улицу, сам попытался вернуть в свою обитель с запертым в бутылке богом Вакханалом. Спустя полчаса моего пребывания тут все еще слышала стук его головы о входную дверь.

Парочка мужчин окинула меня неприятным взглядом, сопроводив их жуткими ухмылками. Проигнорировала эти безмолвные оскорбления и прошла к стойке, заказав у приземистого старого бармена стакан пунша.

– Прошу прощения, – сказал тот, пододвигая ко мне заказ.

За что – не поняла.

– За этих господ, – кивнул хозяин на немногочисленных в этот час посетителей.

Призналась, воспитание не позволяет мне лично слишком уж пристально вглядываться в лица незнакомых людей, чего приводит к несколько резкой реакции в отношении тех, кто не разделяет моих взглядов. По моему личному убеждению, это – признак дурного характера.

Кабатчик кивнул, повторно протер столешницу, которая блестела, как переливающаяся в солнечном свете волна.

– Вы знаете, как образовывалось Кимберли? – не поднимая глаз, любопытствовал он.

Призналась, что располагаю лишь поверхностными сведениями на сей счет, интонацией дав понять, что не имею ничего против, если он расскажет.

– Я приехал сюда в самый разгар алмазной лихорадки, когда сотни и тысячи людей тянулись к этим местам из Англии, Австралии, американских колоний и прочих мест, – размеренно начал он; его голос звучал слегка басисто, но весьма приятно. – Не скрою, вначале и я питал честолюбивые надежды, поскольку находился в том возрасте беспечной молодости, когда, как говорится, море по колено. Пару раз удача даже улыбнулась мне, но где нам чай пить с Родсом и ему подобными! Эти баловни судьбы были отмечены фортуной, о чем ходили самые невероятные небылицы. Дошло до того, что как-то Родс хотел приобрести редкое растение для своего сада, куст цветов которого увидал где-то за городом. Вернувшись с лопатой, он высадил то и, ничего не подозревая, отправился к себе. На следующий день, проезжая мимо означенного места, он с удивлением обнаружил котлован. Какие-то чудики заметили, как бриллиантовый король расхаживал тут с лопатой. Через неделю они вырыли такой карьер и прорыли такой тоннель, что едва не докопались до преисподней.

Извинившись, он отошел обслужить нового клиента, подал напиток и вернулся ко мне.

– О чем, бишь, я?

Напомнила.

– Гм, верно... Только не сочтите, будто меня обуяла зависть: каждому своя доля, и от себя скажу, своим нынешним положением я более чем доволен. И потом, ни одних их отметила удача, были и многие другие, не устоявшие от соблазнов раздольной жизни, тогда как тот же Родс – к его чести – не питал особой страсти к тому, без чего не моет обойтись, кажется, ни один

мужчина. Да-да, я говорю о прекрасной половине рода людского. Только задумайтесь: сюда набежало свыше десяти тысяч мужчин, при том что ни один из них не взял с собой супруги или спутницы, чего не удивительно, беря в расчет, что не каждому мужчине были по силам тяготы пути: солнце, дикие животные, вызывающие ужас своими обычаями аборигены и неизученные пока болезни – только малая толика того, чего ожидало путешественников на пути к приискам.

Вспомнилась недавняя вспышка малярии, большинство болезней, однако, поражали дикие племена местного, черного, населения.

– Поговаривали, – наклонившись чуть ближе, перешел на заговорщический шепот кабатчик, – будто король-то того...

Предпочла не выяснять, чего «того».

– Целыми днями самопровозглашенные старатели копались в земле, не имея никакой возможности отвести душу. Попробуйте теперь вообразить себе картину, как все это неотесанное, проголодавшееся по женским ласкам мужичье реагировало на приезд любого существа, хоть мало-мальски похожего на женщину.

Попыталась вообразить, но без особых успехов, к счастью, разговорчивый бармен лично накидал живописную картину.

– Слух о прибывшей женщине разносился по всей округе в считанные мгновения; и перепачканные, чумазые рабочие с покрытыми землей руками обступали со всех сторон улицу, по которой ехала незнакомка. Каждый желал насладиться причудливым зрелищем; опостылевшая в своем одиночестве, эта публика видела в каждой барышне вышедшую со страниц волшебных сказок принцессу, я сам наблюдал, как толпа готова была целовать ногу (второй не было), одной кривой, какой-то неестественно перекошенной, с горбом на спине, страшной, что моя теща – а та совершенный образчик целого гарнитура уродств; в первую нашу встречу я принял ее за натуральную ведьму, не из тех, которых жгли за особую красоту, а именно что наводящую ужас, и уже припустил в ближайшую колокольню за набатом, созывая в помощь Инквизицию. И тут Лиа, моя супруга, сказала, это-де, ее матушка. Ни черта себе родственница! Я к ней осмелился бы подойти только с факелом и посеребренным крестом в руках.

Выразила глубокое сожаление и попросила повторить первый заказ, выложив на прилавок чуть больше медяков, нежели требовалось, отказавшись от сдачи. Это положительно расположило ко мне кабатчика, хотя и без того он проявил участие к моему интересу.

– А потом случилось совсем уж уму непостижимое, – убрал мой собеседник деньги куда-то под прилавок. – Как-то наши края посетила хорошенькая особа, с которой само собой захотели познакомиться местные мужчины, чуть не на каждом метре она встречала холостяка, и равно всем отвечала: ее, мол, можно будет отыскать сегодня в таком-то часу в баре «У приисков». Был ли то какой ее хитроумный замысел или нет – история умалчивает, да только незнакомка как будто и сама немало удивилась, придя в назначенный час в упомянутое заведение, где обнаружила половину сладострастного города. И что бы вы думали произошло дальше?

Судя по давешней истории с мальчиком, население тут резко пошло на убыль.

– Ну нет, по этой части у нас все по чести, – ухмыльнулся старый хозяин. – Пространство в углу освободили, туда закатали и поставили бочку, а поверх водрузили девушку. Рядов встал самопровозглашенный председатель и начал – только представьте! – торги, словно предлагал вяленую рыбу или коллекцию бабочек. Поднялась страшная кутерьма, одни выкрики заглушались другими, каждый старался перебить цену оппонента. «5 фунтов и ящик шампанского!» – кричал один. «6 фунтов и ящик бренди!» – разнесся голос с противоположной стороны. «10!» – «12!» Наконец, кто-то предложил целых двадцать фунтов и 2 ящика шампанского, чего уже не смог перекрыть никто, поскольку для тех лет это была весьма существенная сумма.

Тут куда ни ступи, всюду такие истории, пышущие колоритом незаурядности, граничащие с гротеском. Кое-что перевирается – куда без этого? – но лейтмотив, вне сомнений, совершенно правдив: невозможно придумать ничего подобного. Не зря говорится – жизнь предла-

гает нам такие сюжеты, какие не сыскать на страницах ни одной из когда-либо написанных книг.

«ДЕ БЕЕРС»

Он встретил меня в местном ресторане, где у нас был зарезервирован столик. Представительный, высокий, с господской манерой держащий голову и столь же непринужденно ведущий беседу, никогда не повышая голоса до такого уровня, чтобы разговор могли подслушать за соседним столиком. Дорогой костюм на нем выглядел опрятно, но поношено, складывалось впечатление, что человек этот привык к раздольной жизни, а теперь, когда дела его пошли под откос, отчаянно пытался соответствовать привычному образу жизни; к тому же его ботинки облепила высохшая грязь, хоть прибыл он в экипаже, к слову, тоже наемном. Несомненно, свыкнувшись с жизнью на широкую ногу, он, тем не менее, не имел для нее нужных средств, почему и экономил на прислуге, которой дал расчет. И все-таки его никак нельзя было отнести к беднякам, а лежащий на его имя банковский счет во многих вселил бы снедающую зависть.

– Мисс..., – протянул он ко мне руку.

Назвалась и ответила на рукопожатие. Руку он жмет слегка сжимая кисть, как то принято в деловых кругах.

– Прошу сюда, – указал он на обитый войлоком стул с высокой спинкой.

Подошедший официант услужливо пододвинул его под меня. Никогда не любила эту показную обходительность в общественных местах; с другой стороны, иногда лучше переплатить, встретив доброжелательное (даже если и наигранное) отношение, чем сэкономить, встретив такую обслугу, которая относиться к вам так, будто вы лично пришли к ним домой и убили их собаку. Этот взгляд, эти ответы на повышенных тонах и, конечно, отсутствие элементарных норм культурного общения, выражающиеся фамильярным обращением и забывчивости в проявлении благодарности и желания доброго дня.

– Миледи, милорд, будете заказывать? – вышколенно поинтересовался официант.

Мой собеседник выбрал десерт и вино, приказав опустил бутылку в ведро со льдом. Я же попросила что-нибудь легкое на его личный вкус.

Забрав меню с прейскурантом, молодой человек оставил нас наедине.

– У меня сейчас не самый лучший период жизни, – признался мой собеседник, переходя сразу к делу. – Фермер из меня не самый хороший, и эта хворь... за истекший месяц я потерял четверть поголовья скота. Нет-нет, что вы, – перебил он поток моих сожалений, – не считите за жалобу. Пожалуй, я не совсем верно выразился, пытаюсь донести, что не располагаю достаточным временем. Так что, коль скоро у вас имелись вопросы, прошу – задавайте. Не ручаюсь, что отвечу на все из них, но на определенную ясность вы можете рассчитывать.

Перечитала написанное выше и поняла, что нужно внести пояснения. Отец мой, будучи членом парламента, знал лично со многими представителями столичного истеблишмента, среди которых, помимо политиков и дипломатов, числились финансовые воротилы самого разного пошиба. Через последних много лет назад ему довелось свести знакомство с одним из участников «алмазного дележа», как в широких кругах нарекли то, что творилось в семидесятых в Южной Африке. Как явствует из названия, основной статьей распила стали алмазные участки. Но как, каким образом это происходило?

– О Сесиле Родсе, разумеется, вам известно?

Каждый англичанин знает о нем, а теперь, учитывая интерес к «черному континенту» западных стран, – и весь остальной цивилизованный мир.

– В то время, когда поднялся шум вокруг дальней колонии, ничего не подозревающий Сесиль Родс взшел на палубу корабля, последовав наставлениям личного врача, настоятельно рекомендовавшего молодому шестнадцатилетнему юнцу оставить Англию и пожить в местах с более благоприятным климатом. Мало того, так еще доктор не рискнул дать хоть сколько-то обнадеживающий прогноз, вынеся неутешительный приговор, давая год. Родс и в самом деле

производил и продолжает производить впечатление болезненного человек – какой-то неестественно худой и простывающий от легкого дуновения. И эта его... гм, особенность сослужила нашему королю (тут, на территории африканской колонии, Родса многие так называют) немалую службу.– Рассказчик мой отпил от штофа и протер губы салфеткой, стирая сбежавшую к подбородку капельку сочно-бордовой жидкости.– Внешне он не производил никакого серьезного впечатления, представляясь легкой мишенью; возможно, в некоторой части эти обстоятельства сыграли ему на руку и помогли не кому-нибудь, а именно ему преуспеть на выбранном поприще, где даже самые сильные и выносливые в конце концов терпели крах. Известно ли вам, как производится добыча драгоценных камней?

Одно из моих жизненных кредо – если не хочешь прослыть невежественным, не стоит и пытаться говорить о вещах малопонятных. Добыча алмазов – из подобной категории.

– Позвольте, проясню производственный цикл, – верно угадал возникшую заминку мой собеседник. – Для начала проводится геологоразведка, подробности которого для нас не имеют ни малейшего интереса, следом, если образовывается акционерное общество, функция которого сводится к назначению цен за отдельно взятые участки; стоимость некоторых доходит до полусотни тысяч долларов! За остальные назначены скромные суммы, начиная от полусотни фунтов, но цена могла резко измениться, если на нем удавалось найти хоть какие-то следы драгоценностей. Вот только для добычи одного карата перерабатывают тонну земли. Здешние земли богаты – одна тонна обеспечивает до пяти каратов. Всю эту землю нужно вручную перелопатить и промыть в лотке, что на таком солнце адский тяжелый труд. Так стоит ли удивляться, что на одного белого здесь приходилось с десятков черных? А те, что есть, все крепкие, как на подбор, или, по крайней мере, выносливые. Тем контрастнее выделялся среди них Родс.

Воспользовавшись минутной паузой, пока повесть не зашла слишком далеко, полюбопытствовала, как вообще вышло так, что Родс оказался среди остальных старателей. Возможно, зная, что терять ему нечего, судя по неутешительному уверению доктора, он решился испытать удачу?

– Он как будто 8 ребенок в семье, впрочем, точно не скажу. И остальное семейство уже давно успело разбрестись по всем известным человечеству пределам земли. Один из представителей его рода как раз оказался здесь и тоже втянулся в дело, сулящее многим успех, но куда большему числу – разочарование. Встретив прибывшего хворавшего брата в порту Кейптауна, он оставляет на Родса управление фермой, в то время как сам отправляется на север, в Кимберли. Шли месяцы, но удача упорно обходила новоявленного старателя стороной, тогда он, не упорствуя в затее, оставил замысел, одновременно с этим у Родса родился честолюбивый замысел. Настойчивость старшего брата, пытающегося отговорить легкомысленного подростка, ни к чему не привела. Сдавшись, он передает Сесилию весь необходимый для добычи алмазов инструмент, снабжает обозом с кобылой...

Рассказ пришлось прервать: снаружи загрохотали выстрелы. Через окна открывалась панорамная картина пыльной улицы и бегущих с криками людей. Тревожная обстановка, никого из посетителей ресторана не тронула, по крайней мере, я не заметила, чтобы кто-нибудь выказал и долю той озабоченности какая казалась уместной, учитывая ситуацию. Дело оказалось в привычке – подобные дела для местного населения стали чем-то тривиальным, скучным и, право, говорили их лица, не стоит даже утруждаться встать.

В залу ворвалась группа возбужденных людей с тревожными лицами, судя по бегающим глазам и тому, с каким пристрастием они принялись всматриваться в посетителей, целью их вторжения являлась вполне конкретная личность. Почти одновременно с вторжением успела заметить, как находившийся в дальнем конце зала мужчина – кажется, ранее мне доводилось видеть его, впрочем, ничего не могла утверждать – молниеносно наклонился, откинул белоснежную кружевную скатерть и заполз под стол так, что видны остались одни только облепленные грязью поношенные подошвы ботинок. К несчастью, проделал это он недостаточно рас-

торопно, поскольку исключая меня его также успел заметить один из только что вошедших, чем поделился со своими приятелями. Всем сбродом упомянутые «господа» промаршировали к столу и отдернули скатерть, после чего довольно грубо вытащили прятавшегося человека. Лицо последнего окрасилось бледным цветом, покрылось испариной и выражало беспредельный ужас, сам он дрожал и заикался.

Только теперь признала в нем назначенного давеча шерифа. Критерий отбора, надо полагать, происходил тут не из соображений храбрости.

Обступившие его господа принялись, перебивая друг друга, объяснять, мол, такие-то негодяи устроили пьяный дебош буквально на соседней улице. Нехорошо, мол, это, стало быть, нужно разобраться.

– Настал ваш час, – заверяли они не без известного воодушевления. – Выйдите и покажите подлецам, что правосудие выше беззакония. И уже назавтра, вот увидите, все местные газеты станут пестреть героическими панегириками, пламенно восхваляющими ваш непоколебимый героизм!

– Даже когда б я решился сделать так, как вы настаиваете, – за завтраком, уверен, вам представится блестящая возможность прочесть разве что некролог, приуроченный в честь моих скоропостижных и – уж поверьте мне! – преждевременных похорон, – заметил блюститель порядка, собираясь смыться.

Сбежать ему не позволили, шериф проявил завидное упорство в своем желании капитулировать, не начиная битвы. В ответ обеспокоенные граждане прибегли к силе: схватили законника за руки, ноги, протащили через весь зал и выкинули через окно. Подобная своеобразная дефенестрация (прим. автора: de – в лат. извлечения, fenestra – окно, то есть вместе этот термин означает выбрасывание кого-либо через окно) никого особо не смутила. Поскольку выбросили его в дальнее окно, а упасть он должен был максимально близко от места стрельбы, это катапультирование шерифом как будто имело смысл.

Ожидала шокированных вздохов, криков, упреков, сожалений сердобольных людей или негодования. Вообще ничего! Никто и бровью не повел: со стоическим спокойствием проводив взглядом выше описанное действие, присутствующие вернулись к дальнейшему поглощению своих блюд и вкушению игристых напитков.

Возвратился к прерванному разговору и мой собеседник, не замечая немного вопроса в моих глазах, который с точностью могла передать лишь парочка непечатных слов, весьма неприличного содержания, столь часто употребляемых Блэром.

– Видите ли, Родс вне всяких сомнений имел определенное преимущество, – также холодно отнеся к погромам мой собеседник, преспокойно продолжая неторопливую повесть, – большинство старателей приходились неимущими, в то время как он, садясь на судно до Кейптауна, получил от родной тетушки что-то около двух тысяч фунтов. Удачно приложив имеющуюся сумму, Сесиль приобрел участки посольнее, нанял больше негров и приступил к работам. Вскоре ему повезло: найденные драгоценные камни дали возможности не только окупить затраты, но и принесли существенную прибыль, на которую Родс обжился новыми участками. И снова Фортуна отметила дланью своего провидения именно англичанина. К тому времени верхние слои земли успели выработаться, проще говоря, требовалось идти глубже. От этого образовывались котлованы, быстро заполняемые водой, – дальнейшие работы требовали наличие мощных насосов, что обходилось в значительные суммы. Участки стали уходить один за другим с молотка, и Родс не упустил шанса сыскать выгоду...

Пока лилась эта плавная речь, на заднем фоне через окно наблюдала картину драпающих что есть мочи по пыльной улице «бравого» шерифа и помощников. Законники бежали, непрестанно петляя – уклонялись от пуль, посылаемых им вдогонку «дебоширами». На счастье, преступники припустились в преследование; учитывая выказываемые первыми скорость

и расторопность, они как минимум успеют добежать до берегов Австралии, прежде чем будут настигнуты.

Когда стрельба стихла где-то в отдалении, вернулась к предмету беседы, тем паче мы как раз подходили к главному и самому любопытному эпизоду всей Родсовской кампании, расставляющим точки в вопросе, каким образом именно ему досталось монопольное право на добычу африканских алмазов.

– Этот процесс не в два дня делался, – вытирая краешек рта салфеткой, отметил сидевший напротив меня человек, – наличие капиталов еще не гарантирует несомненный успех: нужно уметь заставить их приносить доход, для чего требуется правильное и толковое капиталовложение. В 1873 году началась «великая депрессия», сопровождавшаяся мировым кризисом. Сначала банкротство настигло австралийскую биржу, перекинувшись на влиятельнейшие фирмы и банки Лондона, Глазго, Эдинбурга и Нью-Йорка. В возникшей шоковой ситуации никому не было дела до алмазов, чего тут же ощутили на себе старатели. Воспользовавшись банкротством последних, Родс активно взялся за «амальгамацию» – то есть скупал и объединял в своих руках мелкие участки. В конце концов, эти шаги привело к образованию «Де Беерс дай-монт манинг компани», в просторечье – «Де Беерс», с объявленным капиталом в 20 000 фунтов.

Позже из других источников я также выяснила, что уже к 1885 году капитал «Де Беерс» составлял 842 тыс. фунтов, а сам Родс занимал пост президента.

Как водится с сильными мира сего, бок о бок со взлетом личностям их придается все более загадочный характер, а вокруг начинают витать разные слухи, небылицы и необычные теории. Не избежал подобной участи и Родс. В свете всех тех событий, главным действующим лицом которых стал он лично, его «уличили» в причастности к братствам масонов или иезуитов. Поводом стали ниже следующие слова Родса.

Цитирую: «Только представьте, какие перемены наступили бы, если бы те территории, которое населены сейчас самыми презренными образчиками человеческой породы (– курсив мой) попали под англосакское влияние. Наш долг – пользоваться каждой возможностью, чтобы захватить новые территории». *например, зулусами или ндбелами*

Но прежде всего: «Почему бы нам не организовать тайное общество с одной только целью – расширить пределы Британской империи, поставив весь нецивилизованный мир под британское управление, вернуть в нее Соединенные Штаты и объединить англосаксов в единую империю»,

– Сомневаюсь, что за этими слухами есть хоть доля правды, – отпарировал мой визави. – В плане патриотического долга – тут в самом деле Родса не в чем упрекнуть: не однократно он, представляя Британскую южно-африканскую привилегированную компанию, выступал в парламенте и продвигал национальные интересы, жестко критикуя тамошнее собрание в стремлении к одной цели – стяжательству. Тогда как немцы мечтали опоясать африканский континент своими колониями с запада на восток, как бы окольцевав, Родс глядел шире: его замыслом явилось стремление объединить под британским флагом все земли от Каира до Кейптауна. Но при этом он нередко осуждал тех же масонов и иезуитов.

Путешествуя по британской колонии в Африке, частенько слышала, что Родс умел быть достаточно обаятельным. Это, а также талант находить исполнительных людей, позволили ему окружить себя верными соратниками, среди которых особенно выделялся единомышленник Чарльз Рад.

– Этот последний оставил неизгладимый след на судьбе Родса...

И мой собеседник повел длинную повесть, которую я берусь передать в сжатой форме, стараясь не упускать главного.

Как и было упомянуто выше, Де Беерс стремилась к монополии, на пути к которой к 1887 году стояла только Компания кимберлийских копей, возглавляемая Барни Барнато.

В отличие от Сесилия, Барни не имел практически никаких связей и влиятельных покровителей, зато в распоряжении актера (до прибытия в Африку он участвовал в различных постановках) находились капиталы, значительно превосходящие оборот Де Беерс. Тогда-то Рад и свел своего патрона с Альфредом Бейтом, считавшимся непревзойденным финансистом в Южной Африке. Тот умело спекулировал на бирже, играя на повышении и понижении, стремясь к единственной цели – разорить или вывести из игры Барни Барнато.

Противостояние, впрочем, грозило вылиться в затяжную кампанию, потому, посоветовавшись, партнеры решили «поддать жару», прибегнув к одной изощренной в своей основе хитрости. Бейт порекомендовал патрону встретиться с самим Натаниэлем Ротшильдом.

Прибыв в Лондон, «алмазный король» организовал встречу с главой самого влиятельного банковского дома Лондона. Ротшильд приятно удивил важного гостя теплым, даже обходительным приемом в своем лондонском поместье, где между двумя финансовыми воротилами произошло обсуждение дел, о природе которых можно разве что догадываться, но, учитывая последующие события, их ход поддается восстановлению.

Прежде, однако, стоит упомянуть, что кроме приведенных выше алмазных компаний имела третья – так называемая «Французская компания капских алмазных копей». Франкам принадлежала значимая доля рынка, Родс надумал поглотить их, скупив контрольный пакет акций, однако совет директоров попавшей под прицел компании потребовал за сделку полтора миллиона фунтов. При всем желании Сесиль мог собрать лишь 500 тысяч. Именно это обстоятельство вынудило его искать богатого покровителя.

Тут важен отнюдь не размер полученной им суммы, но вспыхнувшее пламя ажиотажа, вызванного самим фактом заключения сделки, по итогу которой Ротшильд в качестве дивидендов получал значительную долю акций Де Беерс. Надо думать, открытость их партнерства, многочисленные встречи и некоторое панибратство в их взаимоотношениях – все это служило конкретному замыслу, потому как такое показательное сотрудничество мгновенно придало Родсу существенный вес в деловых кругах Лондона. Соответственно, акции противной стороны на волне паники пережили стремительное падение; и продолжили проседать глубже, когда началось поглощение Французской алмазной компании. Такое стечение обстоятельств привело к неизбежному: Бернато, отныне не имевший никаких сил и возможностей продолжать противостояние со значительно более ловким конкурентом с его кошельком в лице Ротшильда, в конце концов, пошел на единственный спасительный шаг. Он объявляет о слиянии с Де Беерс, став постоянным членом ее директоров.

С тех пор Де Беерс обрела монопольное право пользования африканских алмазов, тогда как Родс стал ее неотъемлемым символом.

И надо ж было именно в это время случиться золотому буму, воследовавшему после новостей об обнаружении в Трансваале богатых залежей драгоценного металла. Тотчас вспыхнула очередная золотая лихорадка, оказавшаяся самым разбойничьим и диким умопомешательством. Сюда ринулись богач, бедняк, нищий, мошенник. Ехали верхом, в повозках, пешком, прибегали к почтовым дилижансам или утрамбовывались в багажное отделение.

Рассказывают, как один старый паралитик в Претории нанял двух «черных» и запряг вместо волов. Загнав тех чуть не до смерти, он в конце им осточертел, и негры по здравому рассуждению развернулись и ушли, оставив старика посреди степи сыпать им вслед густо разбавленные бранными речами проклятия.

Снова стрельба за окном. Не сразу оторвалась от ведения дневника. На столе в комнате гостиницы догорает свеча, отбрасывая тусклый свет и неровные тени. Вообще, замечаю за собой: местная разбойничья атмосфера все меньше и меньше удивляет меня. Все-таки верно подмечено: человек, мол, способен привыкнуть ко многому, а вынести еще больше... По крайней мере, из отделения банка напротив группа грабителей вынесла более чем тяжелые мешки. Ну еще бы – шериф дал стрелкача, помощники попрытались. Блюсти порядок

некому. Один только смелый старичок, тяжело опираясь через шаг на клюку, вышел и стал поносить разбойников на чем свет стоит. Грабители восприняли происходящее за неплохую шутку и гиенами загоготали. Тогда анахронизм показал, что не весь порох в пороховницах отсырел, вытащил громадный револьвер и стал палить по преступникам, те решили, что съехавший на старости лет паралитик и револьвер – смесь, от проб которой предпочтительнее воздержаться, и ускакали вместе со своей добычей. Старик пустился в преследование... выражение «пустился» не совсем корректное, правильнее было бы сказать – пополз: через час безрезультатных попыток уснуть выглянула в окно, наш ответственный седовласый гражданин благополучно добрался до первого поворота в двадцати ярдах. Учитывая слухи, согласно которым лагерь бандитов находится в десяти милях севернее, путем несложных арифметических подсчетов легко установить, что ему потребуется какой-то 21 день, чтобы добраться до цели. Судя по выражению решимости на его лице, однажды он их настигнет, если только раньше не сойдется с праотцами. Господи, такие мысли придут только человеку, страдающему бессонницей!

ЧАСТЬ II

ЛОНДОН, 1895 год. Глава 1

Разглядывая антураж викторианского Лондона, с кипучей, вечно бурлящей жизнью, молодой человек приятной наружности сделал глубокий вдох, мечтательно произнося вслух:

– В воздухе слышится запах двадцатого века. Грядет техническая революция, а вместе с ней надвигается нечто ужасающее – ощущаю это в настроении политиков и взволнованности масс. Он же, встречая только что прибывшую и сошедшую с парохода сестру в жантильной шляпке с умным лицом:

– Ну, как тебе столица? Не правда ли, тут мило?

– Будет, когда перестанут идти дожди, – ответила та, Алисия.

– Не припомню таких дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.